

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» В 70—80-х ГОДАХ XIX в.

Журнал «Русская старина» начал выходить с 1870 г. Основатель и первый редактор «Русской старины» (до 1892 г.), историк и публицист М. И. Семевский приложил немало усилий к тому, чтобы разыскать и опубликовать на страницах журнала значительное число интересных документов, дневников, воспоминаний, относившихся главным образом к XVIII—XIX вв. Не разделяя демократических настроений, столь характерных для его брата, народного историка В. И. Семевского, М. И. Семевский вместе с тем придерживался либеральной тенденции, что, в частности, сказалось в его особом интересе к материалам по истории народных выступлений и истории революционного движения в России.

В журнале «Русская старина» (1870—1918 гг.) было опубликовано много документов и мемуаров по русской истории XVIII—XIX вв., многие из которых представляют интерес и в настоящее время. Однако цензурные условия середины XIX в. обусловили значительные сокращения, а часто и существенные искажения текстов, предназначенных к напечатанию в «Русской старине».

Нередко в роли главного цензора «Русской старины» выступал сам царь. Когда в 1889 г. Семевский, представляясь «государю императору», упомянул, что «постоянными читателями» журнала являются «почти все особы» царской фамилии, царь Александр III заметил: «Да, это издание весьма интересно, но в нем иногда появляются материалы и сведения не вполне исторической давности».¹ В следующем году царь по поводу одного из изданий наложил резолюцию: «Вообще надо обратить внимание на все

¹ В. В. Тимошук к. М. И. Семевский. СПб., 1895, стр. 143.

теперешние исторические журналы, которые постоянно печатают совершенно лишние подробности и факты и слишком рано печатают различные мемуары и записки».² Поэтому бывало, что даже министр внутренних дел не решался дать согласие на печатание того или иного материала в «Русской старине» без предварительного доклада царю. Так было, например, с опубликованием записок Н. В. Берга «Польское восстание в 1863 г.». Министр внутренних дел Маков, после доклада о них Александру II, передал Семевскому, что «государь император изволил сказать, что в настоящее время неудобны такие публикации, т. е. Польша совершенно спокойна во всех шумных событиях и тревожить ее воспоминаниями прошедшего не следует».³ То же было и при Александре III: когда в 1882 г. Семевский обратился к Д. А. Толстому по поводу печатания той части записок де Санглена, где речь шла об убийстве Павла I, то Толстой ответил: «Не вижу ни малейшего повода скрывать то, что знает каждый гимназист и, быть может, в совершенно искаженном виде».⁴ Но относительно разрешения их напечатать заявил, что не может его дать без доклада царю. Царского же разрешения на опубликование этой части записок так и не последовало.

Указания царя носили иной раз характер прямого выговора цензуре за допущенные ею промахи. Так, Толстой писал начальнику главного управления по делам печати Феокистову (6 февраля 1886 г.), что царь «недоволен помещением в „Русской старине“ записок генерала Зотова, так как в них говорится о лицах еще живых, и о некоторых из них весьма неслучно, и желает, чтобы историческим журналам не дозволялось печатать о слишком близких событиях и о находящихся в живых деятелях».⁵ Печатание записок Зотова было прекращено.

Примером министерского давления на содержание «Русской старины» может послужить инцидент с попыткой Семевского в 1882 г. опубликовать «Проекты об устройстве полиции 1820—1821 гг.» генерал-адъютанта Васильчикова. На настоятельные просьбы Семевского пропустить этот документ раздраженный министр внутренних дел Игнатьев ответил: «Послушайте, Михаил Иванович! Этот документ секретной полиции 1821 года совершенно то же, что теперь Священная Дружина!».⁶

Вслед за случаями прямого или косвенного воздействия на «Русскую старину» царя или министра шло повседневное наблю-

² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 65 (Дело по изданию журнала «Русская старина», ч. 1), л. 83.

³ ИРЛИ, ф. 274, М. И. Семевский, Материалы к запискам, оп. 1, д. 16, л. 66 об.

⁴ Там же, л. 501 об.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, д. 342, л. 140.

⁶ ИРЛИ, ф. 274, М. И. Семевский, Материалы к запискам, оп. 1, д. 16, л. 493.

дение за ее содержанием и постоянное давление на ее редактора цензурного ведомства. «Русская старина» была разрешена только при условии предварительной цензуры. Это означало, по воспоминаниям ее редактора, что «изданию заранее дана веревочная петля, в которую оно могло в весьма короткий срок с полным удобством затянуться и помереть».⁷ Используя свои большие личные связи в высших бюрократических кругах, Семевскому в 1878 г. удалось освободить «Русскую старину» от предварительной цензуры. Однако почти ни одна книжка «Русской старины» не выходила в положенный срок «вследствие, — как обычно формулировалось, — предположения редакции сделать в книжке изменения». Обычно в таких случаях председатель Цензурного комитета «просил», а иногда и «покорнейше просил» пожаловать Михаила Ивановича для объяснений. Результатом их являлись исключения то больших, то меньших частей публикуемого материала.⁸ Особое внимание цензуры привлекали материалы, связанные с историей общественных движений. Прежде всего это относится к воспоминаниям декабристов и статьям о них. Например, из сентябрьской книжки «Русской старины» 1872 г. исключается «совершенно невинный», по выражению самого цензора, дневник Кюхельбекера,⁹ затем главы из записок Д. И. Завалишина¹⁰ с рассуждениями о революционном движении, глава из статьи об А. М. Булатове,¹¹ где цензор нашел «восхваление декабристов».¹² В 1879 г. не были допущены к опубликованию воспоминания петрашевца Д. Д. Ахшарумова, так как, по заключению цензора, эти воспоминания «производят тягостное впечатление на молодежь, видящую гнет правительств на лучшие их идеи и действия».¹³ Из-за упоминания имен Герцена, Огарева, Бакунина трижды запрещались воспоминания Т. П. Пассек.¹⁴ Не допущена была к напечатанию биография Н. Г. Чернышевского, охватывающая время его юности. Примером крайнего цензурного произвола может служить запрещение напечатания непосредственно

⁷ Там же, л. 48.

⁸ В ГПБ ныне хранятся два объемистых тома, которые обозначены: «М. И. Семевский. Вырезки цензурные. Годы 1870—1886». В эти тома сотрудником редакции «Русской старины» А. Г. Петровым собраны корректуры статей или части из них, не пропущенные цензурой за указанные годы. Использование их дает возможность исследователям восполнить большинство тех пропусков текста, которые сделала цензура.

⁹ Напечатан в 1875 (август—сентябрь), 1883 (июль, август), 1884 (январь—февраль), 1891 гг. (октябрь).

¹⁰ Напечатано в «Русской старине», 1882, январь, стр. 11—16.

¹¹ Напечатано там же, 1887, январь, стр. 203—222.

¹² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, л. 342, л. 157.

¹³ Там же, лл. 152—153.

¹⁴ Они были изъяты из «Русской старины» в 1875 (май), 1876 г. (апрель, ноябрь); появились, наконец, в неполном виде в 1877 (апрель, июль, октябрь), 1878 (февраль, июль), 1879 (октябрь), 1882 (июнь), 1886 (февраль, октябрь—декабрь), 1887 г. (октябрь).

после смерти Н. А. Некрасова, вслед за небольшим некрологом, двух его стихотворений.¹⁵

В «Русской старине» было напечатано много материалов, связанных с крестьянской реформой. Но как только заходила речь о крестьянских волнениях, давала себя знать, как назвал ее редактор, «железная лапа цензуры».¹⁶ Так было, например, с воспоминаниями мирового посредника Крылова о восстании в селе Бездне.¹⁷ Не меньшую чувствительность проявляла цензура ко всем историческим материалам по вопросам внутренней политики. Так, были исключены части из записок Н. И. Пирогова,¹⁸ в которых будто бы «проповедывался представляемый образ правления» и приводились «доказательства необходимости государственного переустройства в России».¹⁹ Запрещена была, например, вызванная смертью Лорис-Меликова статья, будто бы «восхваляющая» его политику. Накладывая на нее запрет, начальник Главного управления по делам печати ссылался на то, что «эта система осуждена самим государем».²⁰ По злой иронии из одного и того же номера «Русской старины»²¹ цензура изъяла не только раннюю биографию Чернышевского времени его юности, но и дневник его сановного палача П. А. Валуева.

Гораздо большую ценность для исследователей представляли бы в «Русской старине» и материалы по истории польских восстаний, если бы цензура не исключала некоторых из них полностью, многих — частично. Так, например, запрещены были в 1884 г. записки Сераковского «Вопрос польский» и Мохнацкого «Польское восстание 1830—1831 гг.» с мотивировкою, что «они могут возбуждать к сопротивлению во всякое время».²² Самым тщательным образом следила цензура, чтобы на страницы «Русской старины» не проникали сведения о придворной жизни, дворцовых переворотах, в особенности о смерти Петра III и Павла I. Цензурных исключений из мемуарной литературы, помещенной в «Русской старине», освещающей эти темы, очень много.²³ Некоторые цензоры отличались особым усердием, произвол их превос-

¹⁵ «Смолкли честные, доблестно павшие» и «Не говори, забыл он осторожность». Вследствие упорных настояний Семевского цензор в виде уступки согласился не исключать из номера ряд других материалов, которые обратили на себя его внимание (поэма «Вечный жид» Кюхельбекера, письмо пастора Зайдера о его ссылке, и др.). «Русская старина», 1878, март, стр. 403—462.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 274, М. И. Семевский, Материалы к запискам, оп. 1, д. 16, л. 498.

¹⁷ Опубликованы в «Красном архиве» (1929, т. 4 (35), стр. 176—208).

¹⁸ Русская старина, 1884, сентябрь—декабрь.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, д. 342, л. 139.

²⁰ Там же, ф. 777, оп. 2, д. 65, л. 182.

²¹ Из «Русской старины» за 1882 г. (январь).

²² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 65, ч. I, л. 303 об.

²³ Например, исключены части из записок Лафермьера, Дашковой, из книги Гельбига «Russische Günstlinge», из сочинения Щербатова «О повреждении нравов в России», и т. д.

ходил все писанные цензурные уставы. Неудивительно, что Семевский, жалуясь в 1891 г. председателю Комитета министров Н. Х. Бунге на «невозможное положение редактора», с горечью писал: «Над литературою русскою нависла смрадная туча, напоминающая время 1848 и 1849 гг.»²⁴

Все давления на Семевского — со стороны царствующих монархов, высокопоставленных лиц, Цензурного комитета — не могли не сказаться в работе самого редактора над рукописями, намеченными к напечатанию в «Русской старине». Тенденциозная обработка рукописей хорошо прослеживается по сохранившемуся архиву «Русской старины» (42 тома по 200 и более листов каждый). Во избежание возможных цензурных препон и неприятностей Семевский сам вычеркивал те сведения, которые, как он полагал, могли вызвать длительные объяснения или запрет. Так, из мемуарной литературы Семевский опускал все нелицеприятные отзывы о членах царской фамилии, подробности придворной жизни, сведения о дворцовых переворотах и т. д.²⁵ Например, из записок Миниха Семевским вычеркнуто несколько глав о событиях, предшествующих воцарению Елизаветы Петровны, причем пропуск оговорен Семевским одной фразой: «Подробности восшествия на престол Елизаветы Петровны общеизвестны».²⁶ Рассказы о перевороте 11 марта 1801 г. Семевский зачеркивает в записках де Санглена, А. М. Тургенева, Н. Огаревой-Тучковой.²⁷ Читатели, пользующиеся этими и другими мемуарами, помещенными в «Русской старине», не догадываются о пропусках в тексте, сделанных редакцией, так как эти купюры большей частью никак не оговорены и не обозначены. Иногда Семевский прямо переписывал некоторые фразы и целые абзацы, не только сокращая их, но и подгоняя к прокрустову ложу цензуры мысли автора. При этом редактор никак не оговаривал своего авторства. В тексте «Дневника» А. В. Никитенко М. И. Семевский «произвел, по разным соображениям, множество сокращений, сплошь да рядом заменяя отдельные слова и целые выражения; он вычеркнул из представленной ему рукописи многие эпизоды». Вероятно, по его же совету подобные операции во множестве были произведены в процессе подготовки «Дневника» к печати дочерью мемуариста.²⁸

Особенно пострадали под рукою Семевского материалы по

²⁴ ИРЛИ, ф. 274, М. И. Семевский, Материалы к запискам, оп. 1, д. 16, л. 510 об.

²⁵ Сокращены редактором записки придворного брильянтщика Позы, дневник путешествия по России в 1839 г. Фридриха Гогерна, и др.

²⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 13, л. 44.

²⁷ Например, воспоминания А. А. Шаховского «О разорении Москвы» очень во многом сокращены и написаны самим Семевским (там же, 1889 г., д. 40, лл. 43—102).

²⁸ И. Я. Айзеншток. Дневник А. В. Никитенко. В книге: А. В. Никитенко, Дневник, т. I. М., 1955, стр. XXXVI.

истории революционных движений, в особенности движения декабристов. С удивительной настойчивостью старался Семевский провести мемуары декабристов сквозь цензурные заслоны, но достигал этого ценою ослабления и приглушения их революционного звучания. Так поступает Семевский с записками декабриста А. Беляева, вычеркивая лист с рассуждениями о политическом устройстве России.²⁹ Произвольные и весьма значительные сокращения, даже без точек в тексте, были произведены в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера.³⁰ Очень существенным искажениям под рукою Семевского подверглись записки декабриста М. А. Бестужева. Вычеркивая одни наиболее революционные по содержанию выражения, смягчая другие, Семевский придал запискам характер горестного повествования, исказив их смысл. Из воспоминаний Т. П. Пассек редактор вычеркивает абзацы, касавшиеся Герцена и Огарева, из приложенной к воспоминаниям поэмы Огарева «Радаев» — отрывок, где рассказывается о восстании и казни декабристов.³¹ Автобиография Н. И. Костомарова пострадала в части, повествующей об участии Костомарова в Кирилло-Мефодиевском обществе.³² Зная осторожность цензуры при пропуске в печать материалов, касающихся крестьянского вопроса и польских восстаний, Семевский вычеркивает большие отрывки из записок сенатора Я. И. Соловьева³³ о крестьянской реформе, из записок Д. И. Кипиани.³⁴ Некоторые источники по истории польских восстаний искажены Семевским, так как он вставляет целые фразы, смягчающие их первоначальный смысл. Вот пример работы Семевского над воспоминаниями Теобальда «Из последней польской смуты 1862 г.», где вставка редактора заключена нами в прямые скобки: «В глубине России [в некоторых хотя и в немногих местах, но к величайшему сожалению здравого смысла] встречали ссыльных поляков овацьями».³⁵

Неудивительно, что многие последующие издатели опубликованных в «Русской старине» источников резко обвиняли Семевского в недобросовестном редактировании рукописей и намеренном искажении их смысла.³⁶

²⁹ В «Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом 1805—1850 гг.» А. Беляева (СПб., 1882) этот текст также не вошел (см.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, 1880 г., д. 25, л. 32).

³⁰ Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929, стр. 17—18.

³¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 14, лл. 117—125; д. 18, лл. 183—203; д. 33, лл. 205—220; д. 37, лл. 51—204.

³² Там же, д. 25, лл. 178—185.

³³ Там же, д. 34, лл. 85—146.

³⁴ Там же, д. 35, лл. 157—158.

³⁵ Там же, д. 40, л. 128.

³⁶ К чести Семевского надо сказать, что порою им вычеркивались и махрово реакционные строки некоторых авторов, опубликование которых снискало бы благосклонность к журналу в правящих кругах. Так, из записки генерал-майора В. И. Фолькнера «14 декабря» была выброшена ругань в адрес декабристов, из записок И. П. Колзакова «Русские в царстве Польском» Семевский

Хотя Семевский не раз подчеркивал, что «Русская старина» «прежде всего имеет целью историческую истину»,³⁷ этому девизу он следовал далеко не всегда. Однако преднамеренная правка текстов во имя цензурных правил совершалась им как будто только по отношению к мемуарам. Видимо, источниками, которыми с доверием могут пользоваться и современные исследователи, являются в «Русской старине» разного рода официальные документы. Семевский, сам собиравший для личной библиотеки старинные акты и увлекавшийся дипломатикой, старался точно воспроизвести их на страницах своего журнала. После одного из столкновений с начальником Главного управления по делам печати по поводу издания одних мемуаров, Семевский, уступив, отметил в своих записках: «Если бы это был документ, то я бы не поступился, а прошел бы все инстанции и старался бы его отстоять».³⁸

Все вышесказанное может служить, как кажется, некоторым критерием при пользовании историческими материалами, помещенными в «Русской старине».
